

Д. С. ЛИХАЧЕВ

История подготовки к печати текста „Слова о полку Игореве“ в конце XVIII в.

Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных специально первому изданию «Слова о полку Игореве» и так называемой Екатерининской копии, оба эти вида воспроизведения утраченной рукописи «Слова» современными приемами текстологии изучены не были.

Работы П. Пекарского, И. И. Козловского, П. К. Симони о палеографических особенностях погибшей рукописи «Слова», о Екатерининской копии и первом издании исходили из предположки, что первые публикаторы «Слова» стремились передать его текст, но «не умели» этого сделать, «не могли» прочесть правильно рукопись и только поэтому допускали в своей работе отдельные, довольно многочисленные ошибки, одни из которых больше, другие меньше искажали памятник. К изучению этих отдельных ошибок в Екатерининской копии и в первом издании и к конъектурным поправкам на этой основе отдельных мест сводилось в основном текстологическое рассмотрение Екатерининской копии и первого издания. На этом пути были достигнуты несомненные успехи. Многие ошибки были не только выяснены, но удалось правильно и бесспорно восстановить некоторые первоначальные чтения в рукописи. Мало того, отдельные ошибки были объяснены особенностями графики погибшей рукописи (бесспорно удачны объяснения таких неправильных прочтений в Екатерининской копии, как «Зояни», «ни очима сьглядати» и т. д.). На основании этих ошибок, точно объясняемых палеографическими особенностями погибшей рукописи «Слова», оказалось возможным выяснить некоторые ее палеографические приметы и по ним приблизительно определить ее время и почерк.

Однако при всех этих отдельных достижениях изучение Екатерининской копии и первого издания имело определенные изъяны. Прежде всего отметим, что не были изучены приемы передачи текста в Екатерининской копии и первом издании. Не было также попытки основательно рассмотреть вопрос об отношении Екатерининской копии к погибшей рукописи: списывал ли писец непосредственно с рукописи или текст был ему заранее кем-то подготовлен. Наконец, не было сделано попытки вскрыть отношение Екатерининской копии к первому изданию. Одним словом, текстологические взаимоотношения первого издания, Екатерининской копии и погибшей рукописи остаются совершенно неизученными. Незученым остается и вопрос о том, с каких текстов делались первые переводы «Слова», а также текстологические связи этих переводов друг с другом.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой попытку текстологического исследования всех вышеперечисленных вопросов с целью

установления генеалогического взаимоотношения дошедших до нас «списков» «Слова» с погибшей рукописью.

* *
*

Установление приемов передачи текста памятника его издателями не представляет затруднений, когда рукопись цела и издание может быть с ней сверено. В тех же случаях, когда оригинал издания погиб, сложность такой задачи возрастает, но частичное решение ее все же возможно. Некоторые вопросы решаются безусловно, а другие гипотетически, по аналогии, на основании изучения уровня текстологической техники того времени или приемов публикации, примененных теми же издателями в отношении других памятников, рукописи которых сохранились.

В самом деле, не имея самой рукописи, но зная общие языковые, орфографические и графические нормы древнейших рукописей, можно все же решить, что в издании оказалось опущено, дополнено или изменено. В отношении «Слова о полку Игореве» не представляет, например, сомнений, что в рукописи были иотированные гласные, юс малый и некоторые другие буквы, в издании опущенные. Не трудно догадаться также, что пунктуация и прописные буквы расставлены издателями, исчезли титла, выносные буквы и т. д. Все это совершенно ясно каждому, имевшему дело с первым изданием, и не требует особого углубленного рассмотрения, хотя надо сказать, что общего свода таких «правил публикации» издания 1800 г. до сих пор ни одним исследователем дано не было.

Кроме того, можно определить некоторые публикаторские приемы издателей «Слова» на основании других их изданий. Эта вторая возможность, несмотря на всю свою очевидность, также до сих пор не была использована.

В распоряжении исследователей имеется мусин-пушкинское издание «Поучения» Владимира Мономаха. Из всех изданий А. И. Мусина-Пушкина и двух его помощников по публикации «Слова» только это издание, вышедшее в 1793 г.,¹ может служить для выяснения приемов передачи текста «Слова». «Русская Правда», изданная А. И. Мусиным-Пушкиным с участием Болтина в 1792 г.,² представляет собой компиляцию XVIII в. из разных списков и поэтому не может быть сверена с рукописями. Все остальные издания А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского посвящены сравнительно поздним памятникам, и итоги сличения их с рукописями не могут быть показательными.

Не может дать особых результатов также изучение издательских приемов конца XVIII в. Эти приемы были крайне неустойчивы, разнообразны и произвольны. Изучение их в будущем потребует много труда, но вряд ли представит интерес для исследования публикаторских приемов первых издателей «Слова». Таким образом, единственным изданием, с которым в первую очередь и главным образом должен считаться исследователь первого издания «Слова», должно быть бесспорно признано мусин-пушкинское издание «Поучения».

«Поучение» Мусиным-Пушкиным издавалось непосредственно в те годы, когда была обнаружена рукопись «Слова», может быть, несколько

¹ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

² Правда Руская, или Законы великих князей Ярослав Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С предложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. М., 1792; 2-е изд., М., 1799.

раньше.³ Вышедшее спустя семь лет после «Поучения» первое издание «Слова» выполнено в основном в том же типе (тот же формат, та же система примечаний внизу страницы под чертой и та же параллельная подача текста и перевода в две колонки, но разными шрифтами).⁴ Внешнее отличие первого издания «Слова» от издания «Поучения» состоит в том, что текст «Слова» напечатан гражданским шрифтом (курсивом), тогда как текст «Поучения» напечатан шрифтом церковно-славянским (на причинах, по которым первые издатели «Слова» решили отказаться от церковно-славянского шрифта, и на том, какие существенные изменения были с этим связаны, я еще остаюсь в дальнейшем).

Правда, в числе издателей «Поучения» не было еще ни Н. Н. Бантыша-Каменского, ни А. Ф. Малиновского, но именно это обстоятельство позволит нам в дальнейшем, до известной степени, установить долю учебного участия в первом издании «Слова» этих двух его редакторов.

Сопоставляя мусин-пушкинское издание «Поучения» с рукописным текстом «Поучения» в Лаврентьевской летописи, не трудно убедиться в том, что издатели довольно решительно приравнивали текст «Поучения» к орфографической системе церковно-славянской печати второй половины XVIII в. Решительность этого приравнивания не была, впрочем, одинаково последовательной во всех случаях. Издатели «Поучения» стремились преимущественно к тому, чтобы внешний вид текста не отличался от внешнего вида обычного церковно-славянского набора XVIII в. Все диакритические знаки церковно-славянского шрифта, как известно, весьма обильные в XVIII и XIX вв., широко применены в издании и никак не отражают той скромной системы этих знаков, которая имеется в рукописи Лаврентьевской летописи. Текст «Поучения», само собой разумеется, разбит на слова, предлоги отделены от последующего слова, в конце слов, оканчивающихся на согласный, последовательно расставлен «ъ», расставлены прописные буквы и знаки препинания, исправлено согласно орфографическим нормам XVIII в. употребление «Ѣ» («онемѣють» → «онѣмють», стр. 13; «тобе» → «тобѣ», стр. 13, и т. п.). Юсы малые поставлены так, как это было принято в церковно-славянской печати XVIII в. («свокиѣ» → «своеа», стр. 2; «мокиѣ», → «моеа», стр. 3; «любаѣ» → «любаа», стр. 4, и т. п.). По орфографическим нормам церковно-славянской печати XVIII в. выправлено употребление «Ѡ» («Ѡко» → «ѠкѠ», стр. 4, 10 и др.; «Ѡго» → «ѠгѠ», стр. 4, 6, 11 и др.; «Ѡако» → «ѠакѠ», стр. 3, и т. п.), «Ѡ» («Ѡло» → «Ѡло», стр. 10, 53, 55 и др.; «Ѡлыхъ» → «Ѡлыхъ», стр. 58), «Ѡ» («Ѡсалтырю» → «Ѡалтырю», стр. 3), «і» («Ѡриимайте», → «Ѡриимайте», стр. 4; «Ѡира» → «Ѡира», стр. 9, и т. п.). Исправлено употребление выносных букв, сокращений, титл (постоянны «Ѣ» → «Ѣгъ», «Ѣе» → «Ѣже», «Ѣа» → «Ѣда», «Ѣне» → «Ѣдне», «ѢванѢльскому» → «ѢвѢльскому», стр. 9 и т. д.).

«Ю» после «ч», «ш» и «щ» заменено, согласно правописанию XVIII в., на «у» («чюѣна» → «чѣдна», стр. 12; «чюде» → «чѣдесъ», стр. 12 и т. д.); «ы» после «к» заменено на «и» (всюду «Ѡаки» → «Ѡаки»; «Ѡеликыѣ» →

³ Н. К. Гудзий в статье «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“» (ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 34) относит время приобретения рукописи «Слова» А. И. Мусиным-Пушкиным «к началу 1790-х годов». Присоединяемся к его мнению.

⁴ Отметим, что вышедшее на год раньше издания «Поучения» мусин-пушкинское издание «Русской Правды» (СПб., 1792) уже приближается к этому типу, с тем только различием, что примечания идут не внизу страницы, под чертой, а сразу же за текстом статьи. В конце издания дан словарь-указатель.

«великихъ», стр. 12). В некоторых случаях в середину слова вставлен «ь» — опять-таки в тех случаях, где это требовалось орфографией и произносительными нормами XVIII в. («печална» → «печальна», стр. 4; «меншими» → «меньшими», стр. 7; «хвално» → «хвально», стр. 12; «силныа» → «сильныа», стр. 12; «толко» → «только», стр. 37; «дѣтми» → «дѣтми», стр. 42; «половечскы^х» → «Половеческихъ», стр. 43, и т. п.). Отдельные русские формы церковно-славянизированы («луче» → «лучше», стр. 5; «розноличнии» → «разноличнїи», стр. 12; «присужено» → «присуждено», стр. 31; и т. п.).

Таким образом, мусин-пушкинское издание «Поучения» не может быть охарактеризовано только как издание, «изобилующее разнообразными ошибками»,⁵ неправильными прочтениями и т. п. Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста. Оправдывалась эта система тем, что А. И. Мусин-Пушкин считал «Поучение» написанным на «славянском наречии», «от переписчиков инде испорченном».⁶ Можно не сомневаться, что «порчу» текста А. И. Мусин-Пушкин видел в отступлениях от современной ему церковно-славянской орфографии и в нарушениях привычного корректорского единообразия.

Остановимся более подробно на некоторых приемах передачи текста в «Поучении», проливающих свет на приемы передачи текста в Екатерининской копии и в издании 1800 г.

Существенное значение для установления приемов передачи текста «Слова о полку Игореве» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова» имеют принципы расстановки «і» в мусин-пушкинском издании «Поучения». В самой рукописи «Поучения» «і» встречается только шесть раз: «кр^шенїи», «прїимите», «о^дну», «і на биричи» «і в ловчих», «і нынѣ». Между тем в издании «Поучения» оно всюду расставлено по правилам орфографии конца XVIII в.: «кр^шенїи» (стр. 1; оставлено как и в рукописи), «прїимите» (стр. 14), «о^дину» (стр. 15), «ни на биричи» (стр. 46), «и въ ловчихъ» (стр. 47), «и нынѣ» (стр. 61), а также: «дѣтїи» (вм. «дѣтми»), «бжїи» (вм. «бии»), «прїимайте» (вм. «приимайте»), «лукавнующїи» (вм. «лукавнующии») и многие другие. Следовательно, только в одном случае в издании «Поучения» «і» совпадает с «і» в рукописи!

Ту же выдержанность расстановки «і» по правилам орфографии XVIII в. находим мы и в первом издании «Слова»: «братїе», «повѣстїи», «замышленїю», «вѣщїи», «мыслїю» и т. д. Данные мусин-пушкинского издания «Духовной» Владимира Мономаха не позволяют сомневаться в том, что расстановка «і» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова о полку Игореве» отнюдь не отражает графику самой рукописи. Несомненно, что «і» расставлялось в первом издании в строгом соответствии с правилами орфографии конца XVIII в.

Исключение может быть отмечено только в двух случаях: «усобицѣ» (стр. 3) и «а Володимиръ» (стр. 28). Характерно, что в обоих этих случаях Екатерининская копия более последовательно проводит орфографию XVIII в. В ней читается «усобицѣ» и «а Володимиръ». Надо думать, что изменения внесены в текст издания 1800 г. из рукописи (на примерах исправления текста 1800 г. по рукописи мы еще остановимся).

Таким образом, единственный случай, где мы можем полагать, что «і» издания точно соответствует «і» рукописи, — это слово «усобицѣ». Отсюда ясна правота А. С. Орлова, отказавшегося в своем издании

⁵ Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве», стр. 35.

⁶ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича..., стр. VIII.

«Слова» от «і» первого издания и всюду заменившего его через «и». В своем издании «Слова» А. С. Орлов писал: «Новостью нашей графики является совершенное устранение буквы „і“, проставленной первыми издателями в тексте „Слова“ несомненно под влиянием орфографии конца XVIII в. Итак, все „і“ заменены у нас посредством „и“, что соответствует средневековой графике в преобладающем числе случаев». ⁷ Вслед за А. С. Орловым, «і» заменяется на «и» и в тексте «Слова», подготовленном к печати мною. ⁸ Думаю, что данные первого издания «Поучения Владимира Мономаха» полностью подтверждают правильность такой замены.

Совершенно ясно, что конечное «ъ» расставлено в Екатерининской копии и в первом издании во всех случаях в конце слов, оканчивающихся на согласный, даже тогда, когда его не было в рукописи. В самом деле, не может представлять сомнения, что в рукописи «Слова» были выносные буквы. Как известно, выносные буквы очень часто в конце слов, но в выносах конечное «ъ» не пишется. В первом же издании «Слова» почти все слова, оканчивающиеся на согласный (за крайне немногими исключениями, о которых я скажу в дальнейшем), имеют конечное «ъ». Здесь тот же прием передачи текста, что и в мусин-пушкинском издании «Поучения». Обычно, в частности, постановка «ъ» после предлогов, оканчивающихся на согласный. Предлоги же, как правило, в древнерусских текстах пишутся слитно с последующим словом.

При разделении предлога и слова в мусин-пушкинском издании «Поучения» обычно после конечного согласного в предлоге ставится «ъ»: «въ сердци» (из «всрдци»), «съ нами» (из «снами») и т. д. То же самое видим мы и в первом издании «Слова»: «подъ облакы» (дважды), «предъ пълкы», «отъ старого», «отъ него», «къ дружинѣ», «съ вами», «въ тропу», «чресъ поля», «чрезъ поля», «къ дону», «въ Киевѣ», «въ Новѣградѣ», «въ Путивлѣ», «подъ трубами», «подъ шеломы», «въ полѣ», «въ златѣ», «въ стазби» (об этом выражении ниже), «въ срожать» (об этом выражении ниже), «съ зараня въпяткѣ», «съ ними», «въ полѣ», «съ моря», «въ нихъ», «съ Дону», «съ моря», «отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ», «отъ тебе», «въ златѣ», «въ градѣ», «въ Черниговѣ», «съ тояже», «къ Киеву», «въ княжихъ», «въ ты рати, и въ ты пълкы», «съ зараня», «съ вечера», «въ полѣ», «подъ копыты», «предъ зорями», «къ полудню», «къ земли», «въ силахъ», «съ всѣхъ», «съ побѣдами», «къ морю», «въ пламянѣ», «отъ двора», «изъ луку», «отъ железныхъ», «въ градѣ», «въ гридниѣ», «изъ сѣдла», «въ сѣдло», «въ Киевѣ», «съ вечера» (дважды), «съ трудомъ», «безъ кнѣса», «къ синему», «съ отня», «въ путины», «съ нимъ», «въ морѣ», «въ жестоцемя», «въ буести», «съ черниговьскими», «съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы», «съ засапожники», «въ прадѣдную», «въ мытэхъ», «въ обиду», «подъ саблями», «подъ ранами», «въ злата», «чрезъ облаки», «съ отня», «въ буести», «въ буйстве», «подъ шеломы», «подъ тыи», «къ граду» (дважды), «подъ кликомъ», «подъ чрълеными», «изъ храбра», «чресъ злато», «изъ дѣдней», «отъ земли», «отъ нихъ», «въ пльночи», «изъ Бѣла-града», «съ Дудутокъ», «отъ тѣла», «въ ночь», «изъ Кыева», «въ Полотскѣ», «въ колоколы», «въ Киевѣ»,

⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», второе, дополненное издание М.—Л., 1946, стр. 65.

⁸ «Слово о полку Игореве». Л., 1949 и 1953 (малая серия «Библиотеки поэта»); «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»); «Слово о полку Игореве». Детгиз, М., 1949 и 1954.

«въ друзѣ», «къ горамъ», «въ Каялѣ», «въ Путивлѣ», «подъ облакы», «къ мнѣ», «къ нему», «къ Путивлѣ», «въ полѣ», «изъ земли», «къ отню», «отъ великаго», «въ полуночи», «къ тростию», «съ него», «къ лугу», «подъ мъглами», «подъ сѣнію», «къ земли», «съ Кончакомъ», «къ рѣцѣ», «къ гнѣзду» (дважды), «къ Кончакови», «безъ Игоря», «въ Руской», «къ Святѣй».

Сейчас я не останавливаюсь на некоторых незначительных разночтениях между Екатерининской копией и изданием 1800 г. Важно, что и в издании «Поучения» и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г. принята одна и та же система расстановки «ъ» в конце слов после согласного, значительно нарушающая орфографические нормы XII—XVI вв.

В связи с изложенным встает вопрос, как было написано в рукописи слово «къмети». Как известно, Мусин-Пушкин не знал этого слова и разделил его на два «къ мети», переведя «в цель». Очень может быть, что конечное «ъ» поставлено было им при разделении этого слова на два, в рукописи же это слово вполне могло быть написано без «ъ»: «кмети». Предположение это полностью подтверждается мусин-пушкинским изданием «Поучения», где вместо «инѣхъ кметий молодыхъ» напечатано «и инѣхъ къ мети и молодыхъ» (стр. 44). Так именно это слово писалось в подавляющем числе случаев (см.: Срезневский, Материалы, вып. III, 1893, стр. 1390). Отсюда ясно, что при реконструкции непонятных «въ стазби» и «въ срожать» надо иметь в виду, что «ъ» также могло отсутствовать в рукописи.

Из всего приведенного материала о конечном «ъ» совершенно ясна ошибочность того, что пишет С. П. Обнорский о «ъ» в конце предлогов в своем исследовании языка «Слова о полку Игореве»: «Выдержанною графической чертой памятника, вероятно, обязанной последнему его писцу, отдавшему дань позднему югославянскому влиянию, служит устойчивое употребление „ъ“ в исходе предлогов. Таковы написания не только тех предлогов, которые исконно оканчивались на „ъ“ (въ 46 случаев, къ 23 сл., отъ 12 сл., подъ 14 сл., предъ 3, 18, съ 28 сл., чрезъ 6, 34 и чрезъ, 7, 30, 45), но в подравнение к ним и предлогов, не имевших первоначально в исходе „ъ“ (таковы безъ 23, 44, и изъ 21, 22, 34 bis, 35, 36, 39)».⁹

Вернемся к вопросу о некоторых, весьма немногочисленных в первом издании «Слова» исключениях из рассмотренного нами приема расстановки «ъ» после конечного согласного. Случаи эти следующие: «вмоемъ» (стр. 23), «стугою» (стр. 43) и «бес шитовъ» (стр. 27). В первом и последнем случаях в Екатерининской копии предлоги написаны с «ъ» в конце и сами предлоги отделены от последующего слова. Во втором случае («стугою») слова написаны так же точно, как в Екатерининской копии (без «ъ» и слитно). Забегая несколько вперед, скажу, что издатели «Слова» несомненно проверяли весь текст по рукописи, но в основе своей работы имели для проверки по рукописи текст, восходящий к протографу Екатерининской копии. Одновременно надо принять во внимание, что издание 1800 г. имеет большое количество опечаток, не изученных и даже не учтенных в науке. Первые издатели были весьма малоопытными корректорами и в исправлении опечаток, и в проведении единожды принятой системы.

Установлению единообразия в издании 1800 г. мешало постоянное обращение к подлинной рукописи «Слова» и стремление как можно ближе

⁹ С. П. Обнорский Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 138.

придерживаться текста рукописи, входившее в постоянное противоречие со стремлением к корректорскому единообразию на основе орфографических приемов XVIII в.

Приведу некоторые примеры. На стр. 12 издания 1800 г. слова «съморя» дважды напечатаны слитно (в Екатерининской копии они разделены). Такого написания не могло быть в рукописи. В рукописи без сомнения было «сморя». А. И. Мусин-Пушкин первоначально отделил предлог от последующего слова и поставил после предлога «ъ». Такое написание в обоих случаях и дошло до нас в Екатерининской копии. При просмотре текста по рукописям первыми издателями, а может быть, и в результате ошибки наборщиков (во втором случае набор строки оказался очень тесным) оба слова слились. Имеются в первом издании и другие явные просмотры в разделении на слова. Так, например, на стр. 27 напечатано: «и съ Шельбиры, и съ Топчаки, **исъ** Ревугы, и съ Ольберы». Совершенно ясно, что соединение союза «и» с предлогом «съ» в сочетании «исъ Ревугы» является не больше, как грубым просмотром первых издателей.

Из сказанного становится ясным происхождение тех трех случаев, в которых после предлога с конечным согласным не был поставлен конечный «ъ». На стр. 23 предлог «в» не был отделен по недосмотру издателей, в отмену своему правилу, от последующего слова. Слова были написаны вместе в результате их очевидной проверки по рукописи, и, таким образом, восстановлено написание рукописи. Перед нами несомненно след воздействия самой рукописи, так как в Екатерининской копии, к протографу которой, как мы увидим в дальнейшем, восходит текст первого издания, эти слова написаны отдельно и с «ъ» после «в» согласно приемам передачи текста А. И. Мусиным-Пушкиным. На стр. 27 не имеет конечного «ъ» предлог «бес» при последующем шипящем: «бес щитовъ». Как известно, в таких случаях, согласно фонетическому приему письма в древней Руси, буква «с» вообще опускается. В рукописи «Поучения» Мономаха мы имеем два таких случая: «ищерьнигова» и «ищернигова». В своем издании «Поучения» А. И. Мусин-Пушкин восстанавливает «правильное» (согласно представлениям XVIII в.) написание этих слов: «из Чернигова» (стр. 43) и «и съ Чернигова» (стр. 44), но странным образом, вопреки своей системе, забывает поставить «ъ» в конце предлога «из». Очевидно, А. И. Мусин-Пушкин, дополнив предлог буквой «с» и восстановив первоначальное «Ч» в слове «Чернигова», не решился поставить «ъ», иными словами не довел до конца своей переделки текста.

Вообще в тех случаях, когда А. И. Мусин-Пушкин в своем издании «Поучения» восстанавливал в конце предлога согласную, он не ставил «ъ»: «без суперникъ» (стр. 58; в рукописи «бесуперни^к»), «безсемени» (стр. 60; в рукописи «бесемене»). Полную аналогию этим случаям из «Поучения» мы и имеем и в «Слове» в примере с «бес щитовъ».

Совершенно решается вопрос об отсутствии «ъ» в словах «стугою» (стр. 43). Здесь еще в протограф Екатерининской копии «проскочило» написание подлинной рукописи. Текст издания 1800 г. генетически восходит к этому протографу Екатерининской копии (доказательство мы приведем ниже), но неоднократно проверялся по рукописи. Естественно, что эти проверки только подтверждали слитное написание «стугою» без «ъ», интересы же корректорского единообразия в данном случае ускользнули от внимания издателей (такие случаи, как мною уже отмечалось, неоднократно в издании 1800 г.).

Теперь обратимся к тем правилам передачи текста рукописи, где Екатерининская копия ближе к системе, принятой для передачи текста

в «Почуении», чем издание 1800 г. Наблюдения в этой области окажутся для нас в дальнейшем особенно важными.

Выше уже указывалось, что в отношении правил расстановки «і» и «ѣ» в конце слов издание 1800 г. сравнительно с Екатерининской копией допускает отдельные (правда, очень редкие) исключения, приближающие, как можно предположить, издание 1800 г. к орфографии подлинной рукописи.

Еще яснее эта тенденция выступает в других правилах передачи текста, принятых в издании «Почуения» и в Екатерининской копии, но почти отмененных в издании 1800 г.

Крайне неустойчиво в издании «Почуения» «ѣ». Постоянны случаи постановки «ѣ» в тех случаях, когда его нет в рукописи, и наоборот. По большей части такие перемены производились по орфографическим правилам конца XVIII в.; «сане^х» → «санѣхъ», «смѣренье» → «смеренье» (стр. 9), «собе» → «собѣ» (стр. 10), «тобе» → «тобѣ» (стр. 13), «онѣмѣють» → «онѣмѣють» (стр. 13), «кленитеса» → «клѣнитеса» (стр. 17), «душѣ своеѣ» → «душе своее» (стр. 17), «сторожѣ» → «стороже» (стр. 20), «идеже» → «идѣже» (стр. 23), «боле же» → «болѣ же» (стр. 23), «ватичѣ» → «ватиче» (стр. 31), «на сугейску» → «на Сутѣиску» (стр. 32), «к бѣлѣ вежи» → «къ Беле вежи» (стр. 37), «вежѣ взахо^м» → «Веже взахомъ» (стр. 38), «половчскій» → «Половчскіе» (стр. 39), «своѣ» → «свое» (стр. 43), «братѣ» → «братье» (стр. 44), «дикиѣ» → «дикіе» (стр. 45), «оубогѣ въдовицѣ» → «оубогые въдовицѣ» (стр. 47) и т. д.

В первом издании «Слова» сравнительно с Екатерининской копией довольно много случаев колебания в написании слов с «ѣ» и с «е». Вряд ли здесь дело только в том, что А. И. Мусин-Пушкин и его ученые помощники не разобрали написаний. По-видимому, путаница объясняется тем, что публикаторы колебались между орфографической системой XVIII в. и написаниями рукописи. При этом по большей части (хотя были и обратные случаи) Екатерининская копия следовала орфографическим правилам XVIII в., а издание 1800 г. частично восстанавливало старые формы рукописи. Так, например, звательный падеж в Екатерининской копии оканчивается на «е», в издании же 1800 г. — на «ѣ»: «землѣ» (стр. 12; Ек. «земле»), «Всеволодѣ» (стр. 13, 46; Ек. «Всеволоде»), «Осмомыслѣ» (стр. 30; Ек. «Осмомысле»), «вътрѣ» (стр. 38; Ек. «ветре»). Сравнительно с Екатерининской копией издание 1800 г. восстанавливает древнее написание родительного падежа множественного числа: «на стадо лебедѣи» (стр. 3 и 4; Ек. «на стадо лебедей», согласно орфографии XVIII в.).¹⁰

Необходимо при этом отметить, что в конце XVIII в. древнее написание окончания родительного падежа множественного числа на «ѣи» не было известно. Поэтому следование в данном случае издания 1800 г. за рукописью несомненно.

Мало понятно систематическое разноречие между Екатерининской копией и изданием 1800 г. в словах «стрелять» и «стрела». В Екатерининской копии эти слова постоянно пишутся через «е», в издании же 1800 г. — всюду через «ѣ»: «стрѣлами» (стр. 12, 13, 33, 43; Ек. «стрелами»), «стрѣлы» (стр. 15, 17; Ек. «стрелы»), «стрѣляти» (стр. 29; Ек. «стреляти»), «стрѣляеши» (стр. 30; Ек. «стреляеши»), «Стрѣлай» (стр. 30; Ек. «Стреляй»). И в рукописях XII—XVII вв., и в орфографии XVIII в. в корне этих слов обычно пишется «ѣ» (исключение могло

¹⁰ См.: И. И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. М., 1890, стр. 5.

быть только в новгородских рукописях). Окончательно решить вопрос о том, должно ли было быть в рукописи «Слова» в этих случаях «ѣ» или «е», смогут только лингвисты. Не подлежит, однако, сомнению, что либо в Екатерининском списке, либо в издании 1800 г. (а может быть, в тексте обоих) написания этих слов подверглись сплошной корректорской унификации.

К сожалению, рукопись «Поучения» не знает болгаризированной орфографии в сочетаниях плавных с «ъ» и «ь», и поэтому нам трудно с уверенностью судить о том, как поступили бы издатели «Поучения» в случаях сочетаний «ръ», «рь», «ль» и «лѣ». Однако все же на стр. 41 мусин-пушкинского издания «Поучения» имеется, правда, один, но весьма характерный пример: там напечатано «полкы», тогда как в рукописи стоит «плѣкы». Тот же прием замены болгаризированных сочетаний «ръ», «рь», «ль» и «лѣ» русскими «ор», «ер», «ол» и «ел» мы постоянно встречаем в Екатерининской копии. В издании же 1800 г. это болгаризированное сочетание восстанавливается, и, нет сомнений, по подлинной рукописи: «наплѣнився» (стр. 5; Ек. «наполнився»), «плѣкы» (стр. 5; Ек. — «полкы»), «брѣзья» (стр. 5; Ек. «борзья»), «брѣзый» (стр. 7; Ек. «брѣзый»), «влѣци» (стр. 8; Ек. «вълци»), «чрѣленья» (стр. 10; Ек. «чрленья»), «млѣний» (стр. 12; Ек. «молнїи»), «плѣкы» (стр. 12, 13, 27; Ек. «полки»), «Чрѣнигова» (стр. 13; Ек. «Чернигова»), «плѣци» (стр. 14; Ек. «полци»), «Святоплѣкъ» (стр. 16; Ек. «Святополкъ»), «плѣкы» (стр. 17; Ек. «полкы»), «чрѣна» (стр. 17; Ек. «черна»), «плѣкы» (стр. 18; Ек. «полкы»), «млѣвити» (стр. 19; Ек. «молвити»), «плѣку» (стр. 20; Ек. «полку»), «плѣковъ» (стр. 22; Ек. «полковъ»), «чрѣною» (стр. 23; Ек. «черною»), «плѣки» (стр. 30; Ек. «полки»), «плѣку» (стр. 32, 39; Ек. «полку»), «плѣночи» (стр. 35; Ек. «полночи»), «влѣкомъ» (стр. 35; Ек. «волкомъ»), «влѣкомъ» (стр. 36 bis; Ек. bis «волокомъ»), «прѣвое» (стр. 37; Ек. «первое»), «прѣвую» (стр. 37; Ек. «первую»), «прѣвыхъ» (стр. 37; Ек. «первыхъ»), «слѣнце» (стр. 39; Ек. «Солнце»), «брѣзъ» (стр. 41; Ек. «борзъ»), «влѣкомъ» (стр. 41 bis; Ек. bis «волкомъ»), «брѣзья» (стр. 41; Ек. «борзая»); «влѣнахъ» (стр. 42; Ек. «волнахъ»), «помлѣкоша» (стр. 43; Ек. «помолкоша»), «Млѣвить» (стр. 43; Ек. «Молвить»), «плѣки» (стр. 46; Ек. «полки»). Только в одном случае нужно думать, что Екатерининская копия дает лучшее чтение сравнительно с первым изданием: «мркнетъ» (стр. 10; Ек. «мръкнетъ»). Здесь, очевидно, сказалась двойная невнимательность: составитель текста Екатерининской копии не провел своей системы в сочетании, а составители текста первого издания «Слова» имели уже перед собой «исправленный» согласно орфографии XVIII в. список с «меркнетъ» вместо «мръкнетъ», который и выправили по подлинной рукописи, но не до конца (ограничившись тем, что выбросили «е»).

Как известно, отдельные страницы первого издания «Слова» перепечатывались, причем в текст вкрались изменения: вместо «плѣку» — «плѣку», вместо «Владимир» — «Владиміръ» и др. Можно думать, что второе из этих изменений внесено не по рукописи, а является обычным для издателей «приноровлением» орфографии подлинника к орфографии XVIII в. Во всяком случае в древних рукописях написание «Владиміръ» с «і» нам не встречалось. Что же касается первого случая, то изменение здесь введено, как нам кажется, для единообразия, к которому, как это ясно и из текста издания «Поучения», первые издатели были весьма чувствительны. Вводя болгаризированные формы «ръ», «ль» по рукописи, издатели вполне могли начать распространять эту особенность, принятую за древнюю «систему» рукописи «Слова», и на те случаи, где этих болгаризи-

рованных форм не было. Сомнительно, например, чтобы в рукописи действительно было написание «пльночь» (см. первое издание, стр. 35), так как в «пол» «о» было исконным. Сомнительны и такие написания, как «Вльзѣ» (стр. 9), «Чрънигова» (стр. 13) и некоторые другие.

Вызывает размышление следующее наблюдение С. П. Обнорского: «Можно обратить внимание на то, что этот доминирующий в памятнике способ передачи сочетаний „о, е + р, л“ по типу болгарской орфографии был освоен писцом „Слова“ не сразу: по началу писец держался приблизительно старорусского типа написаний этих сочетаний, т. е. пользовался употреблением „ъ“ перед плавным. . . а далее уже у него вырабатывается устойчивый прием написаний соответственных слов на болгарский лад, с „ъ“ после плавного. . .».¹¹ Заметим от себя, что переход от одной системы к другой (в данном случае от старорусской к болгаризированной) мало вероятен для писца (писец обычно придерживался каких-то своих постоянных приемов передачи текста, либо следуя за текстом подлинника, либо в некоторой степени его переиначивая, но не «перестраиваясь» на ходу), для издателя же текста, стремящегося к известному единообразию, попытка выдержать текст в одной орфографической системе гораздо вероятнее: издатель, переписывая текст для публикации, мог не сразу заметить, что в нем преобладают болгаризированные формы, и перешел к ним постепенно (ближе к концу). Перед нами — типичная ошибка малоопытного публикатора. Эта ошибка станет нам вполне понятной, если мы вспомним, что большинство болгаризированных форм было устранено в первоначальной копии с рукописи (как об этом свидетельствуют Екатерининская копия и издание 1793 г. «Поучения») и восстановлено по рукописи в издании 1800 г. Нам кажется естественным, что, восстанавливая текст по рукописи и не отказавшись от идеи «единообразия» орфографии, издатели увлеклись и переделали всю систему. Исправления по рукописи незаметно для самих издателей перешли в установление новой «системы».

При перепечатке самого начала «Слова» слово «пълку» в его заголовке было также переделано на «пльку» по этой новой «системе».

Следовательно, и тут перед нами еще одно соображение в пользу того, что у издателей 1800 г. была рукопись, которую они считали авторитетной, но передать все особенности которой они не могли главным образом потому, что стремились к корректорскому единообразию, с одной стороны, и к «правильности правописания», с другой. В меньшей мере сказывалось неумение читать древние тексты.

В мусин-пушкинском издании «Поучения» «ю» после шипящих «ч» и «щ» заменяется согласно орфографическим правилам XVIII в. на «у»; «душою» → «душу» (стр. 6, 8), «възношюса» → «взношуса» (стр. 9), «чюдна» → «чудна» (стр. 12 bis), «чюдесь» → «чудесь» (стр. 12 bis), «чюду» → «чуду» (стр. 12), «чю^ѣса» → «чудеса» (стр. 13), «чюжимъ» → «чужимъ» (стр. 22), «въсходящю» → «всходящу» (стр. 29). К сожалению, мы не можем установить, как было бы в случаях с «я» после «ч» и «щ», так как в рукописи «Поучения» в этих случаях всегда «а», которое, естественно, в издании 1793 г. и сохраняется: «привечавше» (стр. 24), «часто» (стр. 26), «щадя» (стр. 46) и др. В Екатерининской копии в основном «я» после «ч» и «щ» заменяется на «а», но в первом издании первоначальное «я» систематически восстанавливается: «начяти» (стр. 1; Ек. «начати»), «поскопяше» (стр. 13; Ек. «поскочаше»), «Святъславличя» (стр. 15; Ек. «Святъславлича»), «давечя» (стр. 18; Ек. «давеча»), «начяша» (стр. 19; Ек. «начаша»), «сыновчя» (стр. 26; Ек. «сыновча»), «Брячяслава» (стр. 34;

Ек. «Брячаслава»), «начясте» (стр. 35; Ек. «начасте»). Имеется только один обратный случай: «Полочаномъ» (стр. 33; Ек. «Полочяномъ»).

Следовательно, и здесь перед нами несомненно свидетельство того, что текст «Слова» для издания 1800 г. выверялся по подлинной рукописи и приведенная выше особенность орфографии XVIII в., проникшая в первоначально подготовленный текст «Слова» (сохранившийся в Екатерининской копии), затем была отменена.

Отчасти в пользу той же выверки текста «Слова» по рукописи для издания 1800 г. свидетельствует еще и тот факт, что в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, все цифровые обозначения чисел заменены буквенными, как в рукописи («і соколовъ» bis; «въ г день» вместо «10 сколовъ» bis; «въ 3 день»).

Необходимо отметить, что замена «ь» на «ъ» и обратно согласно орфографическим нормам XVIII в. проведена в мусин-пушкинском издании «Почучения» недостаточно последовательно. Так, например, в нескольких случаях «ь» в 3-м лице единственного числа оставлено без изменений: «согрѣшить» (стр. 15), «избываетъ» (стр. 15), «оумѣеть» (стр. 28); оставлено в одном случае «потомъ» (стр. 37) при изменении «потомъ» в «потомъ» в двух соседних случаях и т. д.

Такою же непоследовательностью в случаях с окончаниями на «ь» и «ъ» отличалась, по-видимому, и работа первых издателей «Слова» над его текстом.

Так, например, в первом издании «Слова» очень часто конечное «ъ» Екатерининской копии, соответствующее орфографическим нормам XVIII в., заменяется на «ь», очевидно в соответствии с написаниями рукописи: «былинамъ» (стр. 2; Ек. «былинамь»), «помняшетъ» (стр. 3; Ек. «помняшеть»), «соколовъ» (стр. 3, 4; Ек. «соколовь»), «умь» (стр. 5, 6; Ек. «умь»), «трубятъ» (стр. 7; Ек. «трубять»), «имь» (стр. 8; Ек. «имь»), «скачють» (стр. 8; Ек. «скачють»), «пасеть» (стр. 9; Ек. «пасеть»), «текутъ» (стр. 12; Ек. «текутъ»), «человѣкомъ» (стр. 17; Ек. «человѣкомь»), «Святъславъ» (стр. 23; Ек. «Святъславь»), «зоветь» (стр. 32; Ек. «зоветь»).

Однако гораздо более часты обратные случаи: «въсрожать» (стр. 9; Ек. «въсрожать»), «яругамъ» (стр. 9; Ек. «яругамь»), «хотятъ» (стр. 12; Ек. «хотять»), «прикрывають» (стр. 12; Ек. «прикрывають»), «летятъ» (стр. 17; Ек. «летять»), «заворочаетъ» (стр. 18; Ек. «заворочаеть»), «синѣмъ» (стр. 19; Ек. «синемь»), «Княземъ» (стр. 19; Ек. «Княземь»), «за нимъ» (стр. 20; Ек. «за нимь»), «Черниговъ» (стр. 20; Ек. «Черниговь»), «отець» (стр. 21; Ек. «отець»), «нѣгуютъ» (стр. 23; Ек. «нѣгують»), «поють» (стр. 25; Ек. «поють»), «побѣждаютъ» (стр. 27; Ек. «побѣждають»), «подѣлимъ» (стр. 27; Ек. «подѣлимь»), «бываетъ» (стр. 27; Ек. «бываеть»), «птиць» (стр. 27; Ек. «птиць»), «възбываетъ» (стр. 27; Ек. «възбываеть»), «дасть» (стр. 27; Ек. «дасть»), «рыкають» (стр. 29; Ек. «рыкають»), «текутъ» (стр. 30; Ек. «текутъ»), «умь» (стр. 31; Ек. «умь»), «бологомъ» (стр. 32; Ек. «бологомь»), «кличетъ» (стр. 32; Ек. «кличеть»), «течетъ» (стр. 33; Ек. «течеть»), «болотомъ» (стр. 33; Ек. «болотомь»), «Васильковъ» (стр. 33; Ек. «Васильковь»), «стелють» (стр. 36; Ек. «стелють»), «животь кладуть» (стр. 36; Ек. «животь кладуть»), «сыновъ» (стр. 36; Ек. «сыновь»), «пашуть» (стр. 37; Ек. «пашуть»), «слышать» (стр. 37; Ек. «слышать»), «плачетъ» (стр. 38, 39; Ек. «плачеть»), «всѣмъ» (стр. 39; Ек. «всѣмь»), «идуть» (стр. 39; Ек. «идуть»), «спить» (стр. 40; Ек. «спить»), «бдить» (стр. 40; Ек. «бдить»), «мѣрить» (стр. 40; Ек. «мѣрить»), «Донецъ» (стр. 41; Ек. «Донець»), «летить» (стр. 43; Ек. «летить»), «Княземъ» (стр. 46; Ек. «Княземь»).

С. П. Обнорский в своем исследовании языка «Слова» объясняет эти колебания между Екатерининской копией и изданием 1800 г. недостаточно четким написанием «ъ» и «ь», позволявшим их смешивать.¹² Палеографически такое объяснение вполне вероятно, однако несомненно и другое: сам А. И. Мусин-Пушкин и его ученые помощники явно колебались в данном случае между написаниями рукописи и интересами проведения орфографического единообразия. Эти колебания были, возможно, поддержаны тем, что «ъ» и «ь» в подлинной рукописи действительно недостаточно четко различались.

Колебания между орфографической системой XVIII в. и чтениями подлинной рукописи весьма характерны для издания 1800 г., хотя в целом мы должны признать, что первое издание гораздо ближе следует за рукописью, чем Екатерининская копия. Тем не менее есть и такие случаи, когда Екатерининская копия вернее отражает оригинал, чем издание 1800 г., подчинившее в том или ином частном случае свое правописание орфографии XVIII в. Приведем примеры: в издании 1800 г. «веселія» (стр. 26), в Екатерининской копии «веселіа», что точнее отражает югославянскую графику оригинала «Слова»; затем: «Готскія» (стр. 25; Ек. «Готьскія»), «Святславъ» (стр. 26; Ек. «Святъславъ»), «Святславлича» (стр. 30; Ек. «Святъславлича»), «по Рсіи» (стр. 32; Ек. «по Роси»), «Русскую» (стр. 33; Ек. «Рускую»), «Ростиславя» (стр. 42; Ек. «Ростиславля»), «чрезъ» (стр. 45; Ек. «чресъ») и многие другие. Лучшие чтения в Екатерининской копии объясняются, во-первых, тем, что издатели «Слова» постоянно колебались при написании того или иного слова между «системой» (от попытки провести которую они целиком не отказались, а только несколько «умерили» ее сравнительно с Екатерининским списком) и написаниями рукописи. Во-вторых, они, по-видимому, объясняются и еще одним обстоятельством. Правя текст «Слова», А. И. Мусин-Пушкин постоянно заказывал своим писцам копии, которые и рассылал для консультации, комментирования и перевода различным ученым. Поправки вносились, по-видимому, в эти писарские копии. Эти-то писарские копии и плодили различные ошибки и упрощения текста (следствие невольного подведения текста под орфографические нормы XVIII в.).

В дальнейшем мы увидим, что в тексте «Слова» имеется целый ряд описок, общих с Екатерининским списком.

Колебания в написаниях с «ъ» и «ь» объясняются не только тем, что «ъ» и «ь» имели сходные начертания. Они объясняются, как уже говорилось, и тем, что тут имело место колебание между «системой» и текстом рукописи. Доказывается это тем обстоятельством, что в ряде случаев мы имеем отнюдь не путаницы в написаниях «ъ» и «ь», а то пропуски, то вставки этих самых «ъ» и «ь», которые никак не могут быть объяснены простым сходством начертаний: «Ольга» (стр. 15; Ек. «Олга»), «Тьмутороканъ» (стр. 15; Ек. «Тмутороканъ»), «иноходцы» (стр. 16; Ек. «иноходцы»), «сильными» (стр. 21; Ек. «силными»), «Кіевскій» (стр. 21; Ек. «Кіевскый»), «Тьмутороканя» (стр. 24; Ек. «Тмутороканя»), «крильца» (стр. 24; Ек. «крилця»), «готскія» (стр. 25; Ек. «готьскія»), «съ Олберы» (стр. 27; Ек. «съ Олберы»), «Литовскія» (стр. 33; Ек. «Литовьскія»), «Полотскъ» (стр. 36; Ек. «Полотьскъ»), «мъглами» (стр. 41; Ек. «мглами»). Аналогичные пропуски и вставки «ъ» и «ь» в середине слов, главным образом (но не всегда) с целью приспособления текста к орфографии XVIII в., наполняют собой и издание «Поучения» 1793 г.

¹² С. П. Обнорский. Очерки..., стр. 140.

Особенно интересны в издании «Поучения» некоторые ошибочные прочтения, совпадающие с такими же неверными прочтениями «Слова» в Екатерининской копии и в издании «Слова» 1800 г. Мы уже говорили о том, что А. И. Мусин-Пушкин и в «Духовной» и в «Слове» не понял слова «къмети». В «Поучении» вместо «инѣхъ кметии молодыхъ» напечатано «инѣхъ къ метии молодыхъ»; в первом же издании «Слова о полку Игореве» вместо «свѣдоми къмети» напечатано «свѣдоми къ мети». Не понял А. И. Мусин-Пушкин и слов «мужство», «мужаться». В «Поучении» вместо «мужство и грамоту» напечатано «мужь твой грамоту»; в первом издании «Слова о полку Игореве» — «му жа имѣся сами» вместо «мужаймся сами». Эти общие в «Поучении» и «Слове» ошибки ясно показывают, что виновником их был сам А. И. Мусин-Пушкин, а не кто-либо из его ученых помощников. Они же, кстати сказать, лишний раз и совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что перед А. И. Мусиным-Пушкиным была подлинная, древняя рукопись «Слова», которую он не во всех случаях умел прочесть, и что он делал типичные для себя ошибки в прочтении древних рукописей.

Публикаторскую технику Мусина-Пушкина довольно ярко характеризуют и другие случаи неумелого прочтения и разделения на слова текста «Поучения» («и шпочиваетъ» вместо «бо почиваетъ», «сѣ ѣтавкомъ» вместо «со Ставкомъ», «и сѣ Переслава» вместо «ис Переслава», «даси ми» вместо «да сими»), а также манера в случаях затруднений с пониманием какого-либо слова считать его именем собственным: «по Стугани ва...» вместо «по сту оуганиваль». И то и другое, как известно, представлено рядом примеров и в Екатерининской копии, и в первом издании «Слова».

Отдельные случаи своеобразной передачи текста в «Поучении» объясняют неточности Екатерининской копии и издания 1800 г. Так, например, в «Поучении» имеются вставки согласного там, где его не было в рукописи, под влиянием требований этимологии: «отвори» (стр. 35; в Екатерининской копии — более вероятное в рукописи «отвори»); ср. в издании «Поучения»: «беззаконье» (стр. 4, 6 и 49; в рукописи «безаконье»), «безсемени» (стр. 60; в рукописи «бесемене»).

Я не ставлю перед собой цели восстановления более правильных чтений, критики текста «Слова о полку Игореве». Поэтому я не предполагаю анализировать все расхождения между Екатерининской копией и изданием 1800 г. Такая работа в значительной мере уже проделана. В данном случае перед нами другая задача, гораздо более узкая, но до сих пор в науке не поставленная: установить общие приемы передачи текста в Екатерининской копии и в издании 1800 г. и самый ход работы над подготовкой Екатерининской копии и изданием 1800 г.

Приведенные материалы позволяют нам сделать следующие предварительные выводы. И Екатерининская копия, и издание 1800 г. отразили определенные приемы передачи текста древних рукописей, свойственные А. И. Мусину-Пушкину и привлеченным им ученым. Эти приемы близки к тем, которые совершенно достоверно могут быть установлены для мусин-пушкинского издания «Поучения» Мономаха. Ближе всего к приемам этого издания Екатерининская копия. В издании 1800 г. заметно стремление строже придерживаться текста рукописи, в связи с чем некоторые приемы были отменены вовсе, а в других заметны колебания, но некоторая часть приемов осталась без изменений. Будущие исследователи языка «Слова» и реконструкторы его текста непременно должны считаться с тем, что в ошибках Екатерининской копии и издания 1800 г. отразилось не простое «неумение» прочесть текст погибшей рукописи, а некоторая, правда не совсем последовательная и четкая с и с т е м а приемов передачи текста ру-

кописи. Поэтому совершенно иначе распределяются в Екатерининской копии и издании 1800 г. достоверные и недостоверные чтения. Прежние исследователи не колебались признавать в тексте «Слова» достоверным и восходящим к погибшей рукописи все то, что является общим Екатерининской копии и изданию 1800 г. Мы убедились, что это не совсем так.

* *
*

Исследователи и публикаторы Екатерининской копии не ставили вопроса о том, как работал писец, с чего он делал свою копию: непосредственно с погибшей ли рукописи «Слова» или с какого-то специально для него подготовленного текста. По-видимому, П. Пекарский, И. И. Козловский, Н. С. Тихонравов, П. К. Симоны не сомневались в том, что писцу была предоставлена сама рукопись «Слова» и что писец являлся, таким образом, одним из первых ее исследователей и интерпретаторов. Так, например, И. И. Козловский считал, что особенности Екатерининской копии объясняются «простым неумением писца или руководившего им графа» прочесть затруднительный текст;¹³ отсюда ясно, что И. И. Козловский считал, что писец сам переписывал рукопись. Только М. В. Щепкина в своем исследовании «К вопросу о сгоревшей рукописи „Слова о полку Игореве“» писала: «Для характеристики Екатерининской копии важно знать, с чего списывал писец, — с самого оригинала конца XV—начала XVI века, т. е. непосредственно с мусин-пушкинского сборника, или уже со списка, изготовленного под наблюдением и по указаниям А. И. Мусина-Пушкина. Всего вероятнее последнее, ибо если бы даже самый опытный писец XVIII века стал копировать рукопись XV—XVI века с таким необычным текстом, то, с одной стороны, он дал бы больше неверных чтений и неправильных делений на слова, а с другой стороны, опытный писец проще и правильнее раскрыл бы ряд сокращений и учел бы ряд выносных знаков, пропущенных Мусиным-Пушкиным».¹⁴

Рассмотрение мусин-пушкинских приемов издания текстов ясно показывает, что так называемая Екатерининская копия «Слова» делалась не непосредственно с рукописи, а с подготовленного Мусиным-Пушкиным текста и отражает одну из стадий его работы по прочтению рукописи. Если бы писарь списывал текст непосредственно с рукописи, то он неизбежно отразил бы свое понимание текста, нарушил бы в чем-то систему передачи текста. Между тем в работе писаря мы видим ту же систему расстановки «ъ», «ь», «і» и многие, характерные и для издания 1800 г. неправильности в прочтении текста: «кѣ мети», «мужа имѣ ся» (в первом издании «му жа имѣся»), «нѣ рози нося» и т. д. В Екатерининской копии ясно ощущается, что над протографом ее работал ученый интерпретатор текста, дававший тексту свое толкование, расставлявший знаки препинания, прописные буквы, разделявший текст на слова и т. д. При этом с изданием 1800 г., даже в неверных толкованиях, гораздо больше сходства, чем различий.

Объяснение этому может быть только одно. Писец Екатерининской копии переписывал не рукопись «Слова» XV или XVI в., а приготовленный для него А. И. Мусиным-Пушкиным текст. В основном этот текст был А. И. Мусиным-Пушкиным приготовлен теми же приемами, что и издание «Поучения», но только гражданским, привычным для него почерком, а не церковно-славянским полууставом. В нем поэтому не было церковно-славянских букв и были уже расставлены все знаки препинания,

¹³ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 4.

¹⁴ ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 44.

приведена к корректорскому единству орфография. Правда, в Екатерининской копии кое-где имеются выносные буквы, которых нет в первом издании «Слова». В этих выносных буквах видят обычно остатки графики самой рукописи, отраженные якобы писцом, стремившимся точно следовать за рукописью. Это неправильно. В мусин-пушкинском издании «Поучения» выносные буквы совершенно не отражают графику оригинала. Они составлены Мусиным-Пушкиным по правилам их постановки в церковнославянских текстах XVIII в., главным образом в конце слов. То же самое видим мы и в Екатерининской копии. Здесь выносные буквы имеются также только в окончаниях слов (по преимуществу конечные «х» и «м», как и в церковнославянских текстах XVIII в.) и отражают приемы расстановки выносных букв в письме XVIII в. (не следует забывать, что выносные буквы еще продолжали употребляться в письме XVIII в.). Это обстоятельство заставляет сильно сомневаться в том, что выносные буквы Екатерининской копии перешли в нее из погибшего оригинала. Эти сомнения окончательно подтверждаются следующим наблюдением. Екатерининская копия имеет выносные буквы только в конце своих строк, там, где строка копии оказывалась длиннее обычного. Выносная буква помогала писцу Екатерининской копии избежать неудобных переносов, и только. Вот эти слова с выносными буквами: умо^м, оди^и, поведаю^т, трепещу^т, шело^м, желѣзны^х, со^и, трудо^м, ури^и, звере^м, босы^и, на свои^х, лети^т, молоды^и.

Совершенно не прав Н. С. Тихонравов, который считал выносные буквы Екатерининской копии принадлежностью погибшей рукописи «Слова» и на этом основании даже обвинял первых издателей в том, что они неверно внесли их в текст при подготовке первого издания. «Выводя некоторые слова из-под титл, — пишет Н. С. Тихонравов, — первые издатели произвольно ставят „ь“ или „ъ“ и там, где их, конечно, не было в подлиннике. Так, они печатают „трудо^м“ (стр. 7), где в Екатерин. списке „трудо^м“, „умо^м“ (стр. 2), где в Ек. сп. „умо^м“».¹⁵

Между тем написания «трудо^м» и «умо^м» в издании 1800 г. как раз с полной очевидностью говорят о том, что выносные буквы «м» в этих словах принадлежат писцу Екатерининской копии и отсутствовали в рукописи. В самом деле, если бы окончания этих слов были восстановлены А. И. Мусиным-Пушкиным, как думает Н. С. Тихонравов, а не принадлежали оригиналу, он бы восстановил их, как мы теперь можем думать, зная его систему передачи текста, не с «ь», а с «ъ», по правописанию XVIII в. Таким образом, в этом случае изданию 1800 г. мы можем верить.

Можно думать, что выносные буквы не только не принадлежат погибшей рукописи «Слова», но не отражают даже и того оригинала, который был предоставлен А. И. Мусиным-Пушкиным писцу. Это чисто графическая особенность самой копии, и только.

Отнюдь не отражают графики погибшей рукописи «Слова» и такие слова под титлами, как «гна» и «гне» (дважды), — это обычные сокращения, принятые в церковнославянских изданиях конца XVIII в., а отчасти и в письме.

О том, что писец Екатерининской копии имел перед собою не подлинную рукопись, а подготовленный для него А. И. Мусин-Пушкиным оригинал, убеждает также и расстановка знаков препинания в Екатерининской копии: она в большинстве случаев почти соответствует первому изданию. Совпасть в своей расстановке знаков препинания с первым

¹⁵ «Слово по полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. 2-е изд., М., 1868, стр. V.

изданием «Слова» в такой степени, как это мы видим в Екатерининской копии, обычный писец не смог бы.

Характерная манера Мусина-Пушкина — опускать, не оговаривая, непроченные места также отразилась в Екатерининской копии. В ней пропущены слова «свистъ звѣринъ въ стази». В первом издании эти слова восстановлены, очевидно, по инициативе А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. В одном случае Екатерининская копия включает в свой состав комментаторскую глоссу, взятую в скобки: «Пѣти было пѣснѣ Игореве, того (Ольга) внуку». Эту же глоссу, как известно, имеет и первое издание «Слова» (стр. 6) с той разницей, что слово «Ольга» написано без «ь». Принадлежать эта глосса писцу также никак не могла. Слово «Ольга», поставленное в скобки, по свидетельству Н. М. Карамзина, отсутствовало в подлиннике и было внесено в текст «для большей ясности речи».¹⁶

Итак, Екатерининская копия отражает один из этапов подготовки текста к печати А. И. Мусиным-Пушкиным: этап первоначальный и далеко не совершенный. Екатерининская копия — список с подготовленного А. И. Мусиным-Пушкиным текста.

Наблюдение это подтверждается и следующим обстоятельством. Тот же писец, который переписывал текст «Слова», переписывал также и его перевод с примечаниями и содержание «Слова». Почерк всех этих бумаг Екатерины совершенно идентичен. Но ведь перевод, примечания и содержания «Слова» составлялись писцом не самостоятельно, а переписывались с подготовленного оригинала. Следовательно, нет ничего удивительного, что и для текста «Слова» оригинал был подготовлен А. И. Мусиным-Пушкиным, причем подготовлен теми же приемами, что и издание «Поучения».

Зная, что писец переписывал не подлинную рукопись «Слова», а оригинал, подготовленный для него А. И. Мусиным-Пушкиным, можно объяснить и другие особенности Екатерининской копии. Так, например, некоторые ошибки Екатерининской копии объясняются отнюдь не тем, что писец не разобрал рукописи XVI в., а тем, что он не разобрал почерка А. И. Мусина-Пушкина. В Екатерининской копии писец написал «самого» вместо двойственного числа «самаю» в рукописи (последняя форма сохранена нам изданием 1800 г.). Для объяснения этой ошибки писца И. И. Козловский прибег к чрезвычайно натянутому объяснению: он предположил, что в погибшей рукописи «о» писалось близко к «а», а слог «го» мог быть принят за «ю».¹⁷ Однако всякий обращающийся к рукописям XV—XVI вв. знает, что смешать в них «а» и «о», а тем более «го» с «ю», чрезвычайно трудно и что сходные начертания могут быть указаны крайне редко. Если же мы обратимся к почерку самого А. И. Мусина-Пушкина, то в нем смешать буквы «го» и «ю» было вполне просто, тем более что форма двойственного числа «самаю» была писцу неизвестна. Окончание же «ого» вместо «аго» также было легко писцу подставить, так как такого рода прием передачи текста был типичен для мусин-пушкинских изданий (он обычен и в его издании «Поучения»).

То обстоятельство, что писец Екатерининской копии, несмотря на всю его «квалифицированность»,¹⁸ все же допускал при переписывании ошибки, может быть доказано рядом примеров. Так, под влиянием соседних букв в слове «великий» «е» заменено им ошибочно на «ы»: «грознѣй

¹⁶ Сын Отечества, 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 20.

¹⁷ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 7—8.

¹⁸ Он, как известно, переписывал и другие бумаги для Екатерины II (П. Пекарский. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864, стр. 6).

выликый Кіевський» (в издании 1800 г. «великий»). К таким же опискам писца Екатерининской копии может быть отнесено: «падоша стяж» вместо «падоша стяги». Смешать «ги» с «ж» можно было именно в почерке XVIII в., тем более что мусин-пушкинский перевод «Слова», присланный им Екатерине, дает правильное понимание этого слова: «знамена». К числу описок писца может быть отнесена и такая: «з а н е землю Русскую» вместо «за землю Русскую» (стр. 30 первого издания), «халужными» вместо «харалужными» (стр. 36). Некоторые описки произошли не по вине писца, а принадлежат подготовленному тексту. Вместо текста «а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна р а н о плачеть» (первое издание, стр. 39), в Екатерининской копии написано: «а быхъ неслала к нему слезъ на морѣ рано. Ярославна н а м о р ѣ плачеть». Писец два раза повторил «на морѣ», опустив одно «рано». Это явная описка, но описка эта произошла не по вине писца, а принадлежала тому оригиналу, с которого писец списывал. Это доказывается тем, что то же второе «на море» имеется и в том мусин-пушкинском переводе «Слова», копия которого им была послана Екатерине II: «Ярославна на морѣ плачеть къ Путивлю». В дальнейшем мы увидим, что перевод для Екатерины подготовлялся уже тогда, когда копия текста была Екатерине отослана, следовательно, она делалась с другого оригинала, по-видимому, с протографа Екатерининской копии.

Другая явная ошибка Екатерининской копии — двойное, «очное» «о» в слове «ниоочима» — также принадлежит не писцу, а была уже в протографе Екатерининской копии, подготовленном непосредственно с рукописи; протографу же принадлежит неправильное прочтение слова «Зояни» вместо «Трояни» и многие другие.

Впрочем, Екатерининская копия была не просто переписана с текста, подготовленного для писца А. И. Мусиным-Пушкиным. Возможно, что она проверялась самим А. И. Мусиным-Пушкиным после переписки ее писцом. И. И. Козловский отметил, что в Екатерининской копии в слове «наполнился» буквы «ол» писаны по подскобленному тексту.¹⁹ Очевидно, что Мусин-Пушкин сперва правильно скопировал рукопись «наплънвился» (так этот текст и читается в издании 1800 г.), а затем подновил его, чтобы сделать его чтение понятным. По-видимому, в этом месте текст Екатерининской копии был подвергнут правке с точки зрения «системы», проводившейся А. И. Мусиным-Пушкиным в его изданиях.

Протограф Екатерининской копии, составленный А. И. Мусиным-Пушкиным (возможно, при участии Болтина), не затерялся. Несомненно, что он отразился в издании 1800 г. Текст издания 1800 г. генетически восходит к протографу Екатерининской копии, с поправками непосредственно по погибшей рукописи. В самом деле, интерпретация текста в издании 1800 г. во многом, несмотря на многочисленные поправки по рукописи, сохраняет особенности, характерные и для Екатерининской копии. Общим являются глосса «Ольга», отдельные ошибки («влъзѣ» со строчной; «сице и рати», «стугою», «сыпахутьми», «исъ Ревугы», «му жа имѣся» и т. д.), одинаковая расстановка знаков препинания, особенно показательная в спорных и неясных случаях (например, и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г.: «... въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою...», «Грозою бяшетъ; притрепеталь своими сильными плъкы» и др.).

Некоторые особенности расстановки знаков препинания в издании 1800 г. объясняются через протограф Екатерининской копии. Так, напри-

¹⁹ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 5.

мер, известное место, в котором русские войска прощаются с Русской землей, в Екатерининской копии пунктуационно читается так: «О Руская земле! Уже за Шоломянемъ еси дълго: ночь мръкнетъ» и т. д. В издании 1800 г. пунктуация поправлена, очевидно под влиянием повторения этого места в начале описания битвы, где слово «дълго» отсутствует. И это слово «Дълго» отделено от предшествующей фразы точкой, но объяснения своего оно еще не получило и осталось стоять особняком, отделенное точками и от предшествующей и от последующей фразы, к которой оно относится: «О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Дълго. Ночь мркнетъ...».²⁰

* *
*

Между протографом Екатерининской копии и изданием 1800 г. существовало еще несколько этапов работы над текстом «Слова». К сожалению, не все этапы этой работы до нас дошли. Один из этих этапов может быть все же отчасти представлен с помощью того текста перевода «Слова о полку Игореве», который наряду с Екатерининской копией сохранился в бумагах Екатерины.

Не может быть сомнений в том, что текст перевода «Слова о полку Игореве», найденный среди бумаг Екатерины II, не одновременен Екатерининской копии. Факт этот также до сих пор не обращал на себя внимания исследователей.

В самом деле, бумага Екатерининской копии текста «Слова» не отличается от бумаги перевода и бумаги содержания «Слова», хотя П. Симоны и утверждал, что она «несколько большего формата»²¹ и имеет иные водяные знаки. Тем не менее текст «Слова», перевод и содержание когда-то составляли самостоятельные части и переплетены вместе уже после смерти Екатерины II, не ранее 1804 г., как о том можно судить по водяному знаку на первом нумерованном листе фолианта, вpletенном при переплете.²²

Перевод «Слова» писан той же рукой, что и текст, но это не свидетельствует об одновременности текста и перевода, так как та же рука видна и в других бумагах, писанных для Екатерины в различное время. Вместе с тем совершенно ясно из рассмотрения обоих текстов, что они переписаны различными способами и не могли составлять части единого целого. Текст «Слова» писан в лист с небольшими полями. Перевод же «Слова» писан на листах, перегнутых пополам. Перевод находится в правом столбце. Левый столбец оставлен пустым или занят случайными заметками. Внизу листов, под прямой, проведенной по линейке чертой, размещаются примечания. Обращает на себя внимание, что в этой второй тетради перевод и примечания расположены точно так же, как и в первом издании «Слова» и в издании «Поучения»; левый же незаполненный столбец явно предназначался для текста, опять-таки так же как и в первом издании. Перед нами, следовательно, как бы подготовительные материалы для издания, чего отнюдь нельзя сказать про Екатерининскую копию текста. Весьма возможно, что перевод и примечания были спешно посланы

²⁰ На странность расстановки знаков препинания в этом месте обратил внимание еще Н. С. Тихонравов («Слово о полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М., 1866, стр. VIII; см. то же во втором издании: М., 1868, стр. VIII).

²¹ П. Симоны. Текст Слова о полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах имп. Екатерины II. Древности, т. XIII. М., 1890, стр. 19.

²² П. Симоны. Текст Слова о полку Игореве... стр. 17.

Екатерине II в том экземпляре, который оказался у А. И. Мусина-Пушкина под рукой.²³

Если же мы проанализируем и самый перевод «Слова», то убедимся, что он сделан не по Екатерининской копии текста или ее протографа, а отражает какую-то промежуточную стадию подготовки текста «Слова», более позднюю, чем Екатерининская копия, но более раннюю, чем текст издания 1800 г.²⁴

Оставляя в стороне общее рассмотрение Екатерининского перевода «Слова» с точки зрения его достоинств, отраженного в нем понимания «Слова» и т. д.,²⁵ остановимся только на тех его особенностях, которые позволяют установить какие-либо данные о том тексте, с которого этот перевод велся.

В основном Екатерининский перевод сделан с текста, близкого тексту Екатерининской копии, однако можно думать все же, что перед переводчиком был текст, содержащий уже некоторые из поправок, принятых затем в издании 1800 г. Приведу примеры.

В Екатерининской копии слово «галици», в отличие от названий других животных, последовательно пишется с прописной буквы: «Галици стада», «говоръ Галичь», «а Галици свою речь говоряхуть». Это заставляет предполагать, что подготавливавший текст для Екатерининской копии А. И. Мусин-Пушкин первоначально считал, что «галици» — это «галичане» (названия народов, жителей местности в Екатерининской копии, как и в изданиях старых текстов в XVIII—начале XIX вв., пишутся с прописной буквы: «Половци», «Нъмци», «Греци», «Морава» и т. д.). Однако в Екатерининском переводе, так же как и во всех последующих переводах XVIII в., «галици» правильно переводится «галки».

Испорченное в Екатерининской копии место «падоша стяж Игоревы» в переводе понято правильно: «пали знамена Игоревы».

В Екатерининской копии «Карна и Жля» соединены в одно слово: «За нимь кликну Карнаижля поскочи по Русской земли». В переводе эти слова уже разъединены: «В след за ним крикнул Карна, и Жля рассеялась по русской земле».

В Екатерининской копии не понято слово «дъскы»: «Ужедь скы». В переводе эти слова разделены правильно: «Уже дски».

В некоторых случаях Екатерининский перевод предлагает иное понимание текста, и хотя далекое от ныне принятого, но все же более близкое к изданию 1800 г., чем к Екатерининской копии. Так, например, в Екатерининской копии слово «урим» написано со строчной буквы: «Се ури^м кричатъ». Очевидно, что составитель текста еще не видел в нем имени собственного. В переводе это слово написано уже с прописной буквы; оно понято так же, как и в издании 1800 г.: «Се Уримъ кричить».²⁶

В некоторых случаях переводчик не разобрал текста, правильно переписанного в Екатерининской копии: вместо «пбо суху шерешеры стрелять»

²³ При этом, однако, текст этого перевода остался у А. И. Мусина-Пушкина, а отослан был Екатерине II лишь один из имевшихся экземпляров, так как текст Екатерининского перевода отчетливо отразился во всех дошедших до нас переводах «Слова» XVIII в. (см.: Р. О. Якобсон. Тетрадь князя Белосельского. В сб. «Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века», Leiden, 1954).

²⁴ Отметим, кстати, что Екатерининский перевод «Слова» в иных случаях почти буквально повторяет отдельные древнерусские выражения, а иногда и целые места «Слова», что облегчает реконструкцию текста, легшего в его основу.

²⁵ Оно сделано в работе А. В. Соловьева «Екатерининский список и первое издание «Слова» (в сб. «Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века», Leiden, 1954).

²⁶ В переводе издания 1800 г.: «Уже кричить Уримъ».

автор перевода имеет в виду какой-то другой, испорченный текст — «по суку шерешери стрелять»; вместо «Галички Осмомысле» переводчик пишет «Галицкий Гостомысле». В последнем случае переводчик явно поправляет текст, предполагая, очевидно, популярного в конце XVIII в. персонажа русской истории — новгородца Гостомысла. Впрочем, последняя ошибка могла возникнуть и в связи с тем, что автор принял букву «м» за треногое «т». Дурное прочтение текста переводчиком заметно и в другом случае: слова «кое ваши» переводчик переводит «но ваши». Очевидно, слово «кое» было написано в оригинале, с которого делался перевод, недостаточно ясно.

Очень важна поправка, которая была перед переводчиком, в известной ошибке Екатерининской копии: «на седмомъ вѣцѣ Зояни». Как доказано, эта ошибка «Зояни» вместо «Трояни» могла произойти только при одном условии, что перед составителем текста для Екатерининской копии была рукопись XVI в. с обычным для этого времени лигатурным написанием букв «Тр», которое могло быть легко принято за «З». Иного объяснения этой ошибки Екатерининской копии, как известно, дано не было. В переводе Екатерининского архива это слово понято правильно: «Трояновом» («На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ»). Это доказывает, что перед переводчиком был действительно иной текст, чем в Екатерининской копии, текст, проверенный и поправленный по подлинной рукописи.

Текст этот не мог представлять собой тот же протограф Екатерининской копии, но с поправками; это был заново переписанный с этого оригинала и исправленный текст, в который, как мы видели, писцом были внесены и некоторые описки. Отмеченные нами выше погрешности перевода, как мы видели, являются погрешностями того текста, который был перед переводчиком; вероятнее всего, что эти погрешности принадлежали писцу, а не самому А. И. Мусину-Пушкину, так как они обе ухудшают текст, являются следами «механического» непонимания текста, в чем вряд ли можно подозревать А. И. Мусина-Пушкина.

Наконец, отметим более правильное разделение на слова следующих мест Екатерининской копии: «вазнистри кусы» (в Екатерининском переводе, так же как и в переводе издания 1800 г., — «вонзив стрикусы») и «о дне пресловутицю!» (в Екатерининском переводе — «О Днѣпре, славный!»).

Таким образом, перевод делался не с Екатерининской копии, а с переписанного писцом и исправленного еще раз непосредственно по рукописи «Слова» текста, генетически восходящего к протографу Екатерининской копии.

В дальнейшем, когда предпринятая Сектором древнерусской литературы работа по опубликованию всех переводов «Слова» XVIII в. закончится, необходимо будет попытаться проверить, какие тексты лежат в основе переводов, сохранившихся в бумагах Малиновского и в архиве Воронцова.

* * *

*

Текстологическое исследование дошедшего до нас Екатерининского списка, первого издания 1800 г. и первого перевода «Слова» ясно доказывает, что существовала авторитетная для первых издателей рукопись «Слова» и именно с нею сообразовалось то «движение текста», которое может быть отмечено прямо в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, и косвенно в Екатерининском переводе, отражающем промежуточный этап подготовки и толкования текста.

Текст «Слова о полку Игореве» в мусин-пушкинских копиях его (мы условно называем мусин-пушкинскими те копии, которые находились в его распоряжении, но которые по существу являлись плодом коллективной работы ученых и простых переписчиков) постоянно исправлялся, и эти исправления в целом не отдаляли этот текст от подлинной рукописи, а приближали. Все изменения в тексте «Слова» по мере подготовки его к печати могут быть объяснены четырьмя обстоятельствами: во-первых, наличием авторитетной для издателей рукописи, по которой они постоянно выправляли текст, стремясь его не только механически прочесть, но и понять, сделать удобочитаемым; во-вторых, некоторой неподготовленностью издателей к своей работе; в-третьих, стремлением издателей к унификации орфографии и попытками приблизить ее к правописанию XVIII в. — попытками, более определенными в начале работы и менее отчетливыми под конец подготовки «Слова» к печати, и, в-четвертых, тем, что в процессе работы над текстом он переписывался профессиональными писарями, которые вводили в текст некоторое (небольшое) количество механических ошибок, описок, неправильных прочтений.

Все эти четыре обстоятельства настолько несомненны при анализе различий, что отсюда может быть сделан и вполне определенный вывод: издатели «Слова» безусловно были уверены в подлинности рукописи; весь ход работы над изданием «Слова» убеждает, что издатели ничего сознательно не придумывали, не сочиняли, не изменяли более раннего текста без каких-либо серьезных оснований.

Если бы кто-либо из издателей «Слова», будь то сам А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский или А. Ф. Малиновский, не был уверен в подлинности рукописи, а считал бы, что имеет дело с удобочитаемой подделкой (а подделки, как правило, бывают обычно удобочитаемы: в них нет темных мест, тем более таких, которые в некоторой части с течением времени бесспорно могут быть объясняемы), то весь ход работы был бы совсем иным.

Ход работы А. И. Мусина-Пушкина и его «ученой дружины» над первым изданием на основании всего изложенного может быть наглядно показан в виде приведенной здесь схемы (см. стр. 87).

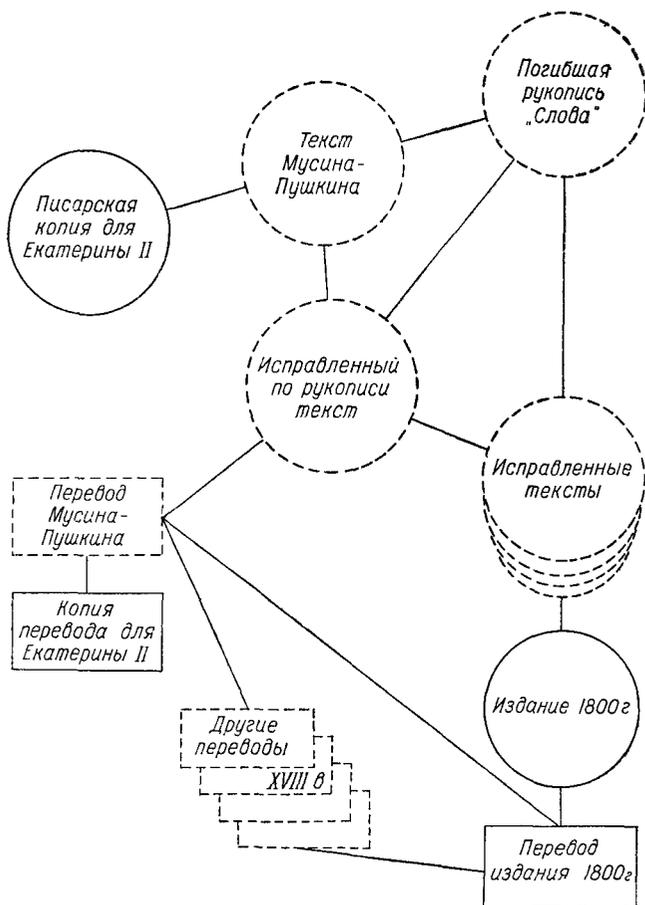
Почему издание 1800 г., в отличие от издания «Поучения» 1793 г., с которым оно имеет так много общего, применило гражданский, а не церковный шрифт?

Причины могли быть разные, и все они могли действовать в совокупности.

Прежде всего отметим, что выбор шрифта определился самим ходом работы над текстом «Слова». Текст «Слова» раньше, чем быть окончательно подготовленным к печати, многократно переписывался от руки. Его, повидимому, подготовил первоначально сам А. И. Мусин-Пушкин или И. Н. Болтин. Затем А. И. Мусин-Пушкин давал его переписывать писарю. После писаря в текст вносил поправки сам А. И. Мусин-Пушкин и те из авторитетных для него лиц, которым он посылал текст «Слова» для замечаний, исправлений, толкований. После текст переписывался еще и еще. Само собой разумеется, что простую переписку текста не к чему было производить церковно-славянским шрифтом. Церковно-славянский шрифт при переписке рукописи мог быть применен только тогда, когда этот текст непосредственно предназначался для церковно-славянского набора. Поскольку этого вначале не было, а текст готовился для его изучения, рассылки отдельным ученым, он многократно переписывался обычным способом, и это неизбежно создавало некоторую инерцию, которая затем и сказалась в выборе именно гражданского шрифта.

По существу выбора шрифта и не было: гражданский шрифт явился результатом всего хода работы над текстом погибшей рукописи.²⁷

Применение гражданского алфавита в первом издании «Слова» было удачным: оно обеспечивало гораздо большую точность передачи текста; оно избавляло издателей от необходимости расставлять надстрочные знаки, без которых в конце XVIII в. казались немислимыми издания церковной печати; кроме того, оно избавляло издателей от необходимости

вводить в текст А, Ѡ, Ѣ, расстановка которых в изданиях XVIII в. также обычно не соответствовала рукописной традиции XII—XVI вв. Иной была в церковных изданиях XVIII в. и система сокращений, постановки титла и выноса букв над строкой. Гражданский шрифт гораздо менее связывал издателей, позволял точнее следовать тексту. Он был более «нейтрален» по отношению к древнерусскому тексту, чем церковно-славянский.

Совсем иным было бы отношение издателей к гражданскому шрифту, если бы они не задавались целью более или менее точной передачи древ-

²⁷ Можно было бы думать, что церковно-славянский шрифт не подходил для памятника светского. Действительно, «Поучение», изданное А. И. Мусиным-Пушкиным, могло восприниматься как произведение церковной литературы, однако тем же Мусиным-Пушкиным была издана и «Русская Правда» — памятник не менее светский, чем «Слово», и изданный тем же церковно-славянским шрифтом.

него текста, написанного в иной орфографической системе, чем в изданиях церковной печати конца XVIII в. Если бы перед издателями стояла цель передать древний колорит памятника или тем более создать подделку под древность, они, возможно, остановились бы в своем выборе на церковно-славянском шрифте и, не будучи связаны оригиналом, расставили бы юсы, «ѣ», выносные буквы и титла так, как это было принято и казалось им обычным в «словенском наречии», без всяких смущавших издателей неправильностей его.

Связанность издателей текстом авторитетной для них рукописи может быть доказана для всех случаев исправления текста, для всей системы подготовки текста к печати и для всех приемов передачи текста «Слова о полку Игореве».

В свете рассмотренных материалов становится ясным, почему редакторы первого издания, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, запрещали А. И. Мусину-Пушкина править корректуры. Чего, собственно, могли опасаться Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский? Может быть, они опасались, что А. И. Мусин-Пушкин обратится к рукописи «Слова» и введет в корректуру свое собственное понимание какого-либо множество раз уже толкованного и перетолкованного темного места «Слова», не считаясь с мнением им же самим привлеченных к изданию ученых? Вряд ли именно этого опасались Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский. Однако они, естественно, могли ожидать, что А. И. Мусин-Пушкин станет править не по рукописи, а «унифицируя» текст согласно тем старым приемам, которые он применил в издании «Поучения» и первоначальной копии, введет новые ошибки. В издании могли пострадать характерные югославянские формы «ль» «рѣ», могло быть заменено «ю» после «ч» на «у» и т. д. Иными словами, ученые редакторы первого издания имели все основания бояться правки А. И. Мусина-Пушкина не по рукописи (в этом случае А. И. Мусин-Пушкин вряд ли бы предложил самостоятельные прочтения), а правки без рукописи, по привычным нормам орфографии XVIII в. Последняя, как мы видели, и не была вовсе изгнана из издания 1800 г., а лишь умерена.

Весь приведенный материал бесспорно и совершенно отчетливо убеждает в том, как много потеряла наука и русская культура в целом от того, что первые издатели «Слова» не применили дипломатических приемов передачи текста. Если бы издатели «Слова» своевременно отказались от попыток собственного «прочтения» текста, от введения правописания XVIII в., современного разделения на слова, расстановки знаков препинания и пр. и приняли бы дипломатические приемы издания, которые к этому времени уже стали намечаться, то мы были бы избавлены от многих ошибок и искажений, от которых не гарантирован ни один из исследователей, ставящих перед собою целью интерпретацию текста, «приближение текста к читателю», а не только точное его издание.

Сейчас же волей-неволей перед исследователями встает как одна из важнейших задач исследования «Слова» реконструкция такого его текста, в котором были бы отмечены все те буквы и написания, в отношении которых мы можем подозревать, что они явились результатом интерпретации текста, введения правописания XVIII в. Такой текст мог бы служить исходным материалом для последующей лингвистической и конъектуральной работы над ним. Этот текст должен учитывать показания генеалогического соотношения двух его списков — Екатерининской копии и издания 1800 г., и на основании тех сведений, которые могут быть собраны относительно приемов передачи текста в том и другом, в нем должны быть показаны (особым шрифтом или каким-либо другим способом) все те

места и отдельные буквы, которые могли быть изменены издателями сравнительно с погибшей рукописью.

Работа эта сможет быть закончена только тогда, когда будут приведены в известность не только все данные относительно того, как готовился текст к изданию 1800 г., но и история печатания этого издания, что может быть сделано на основании установления разночтений всех сохранившихся экземпляров первого издания. Было бы полезно, восстанавливая текст рукописи XVI в., отмечать все те буквы («ъ», «ь» и т. д.), которые могли быть расставлены издателями «Слова» в порядке приспособления к орфографическим нормам конца XVIII в.
